

Королев Всеволод Анатольевич
студент,
Русская христианская гуманитарная академия

ЩИТ СОКРАТА: К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭПИЧЕСКОГО

Аннотация: После того как прозвучали обвинительные речи, платоновский Сократ признаётся: его противники говорили столь убедительно, что он чуть было не забыл сам себя. Можно сразу припомнить еще одного героя, которого постоянно подстерегает опасность амнезии — это Одиссей. Забывший себя никогда не сможет вернуться домой, ибо где его дом? Забывший себя теряет возможность быть узнаваемым, и вот уже Филоктет Софокла молит Неоптолема, чтобы тот вновь стал самим собой.

По словам М. Элиаде, в индоарийском племени бхиллов существует любопытный метод лечения. Прежде всего остального лекарь чертит около постели больного мандалу — *imago mundi* — отражение истинного мира. Гармоничность подлинного бытия передается больному, испытывающему в ней недостаток, что позволяет ему вступить в схватку с болезнью. С точки зрения *эпического*, отражение есть не зеркало, навеки обреченное творить лишь жалкие подобию, но щит, с помощью которого болезнь *отражена*. Элиаде умалчивает о том, что происходит после выздоровления. Но вероятно, больной должен принести благодарственные жертвы богам, позволившим ему припомнить необходимое и вновь обрести себя.

Описанный выше сюжет есть лишь один из многих, коренящихся в *эпическом*. Эпическое как парадигма сознания несводимо к эпосу, хотя и немислимо без него. В нашей статье мы постараемся раскрыть некоторые аспекты философского эпоса Платона, героем которого является Сократ. Это тот напев, который не следует забывать желающим понять Платона. Другие подходы этим не отменяются, но обогащаются.

Ключевые слова: *Платон, Сократ, Гомер, Гесиод, эпос, феноменология эпического, герменевтика, поэтика, миф, логос, «Критон», «Федон».*

Vsevolod Korolev

student, Russian Christian Academy for Humanities

THE SOCRATE'S SHIELD: ON THE PHENOMENOLOGY OF THE EPICAL

Summary: After prosecutor's charges Plato's Socrates says that his accusers spoke so convincingly that he was almost carried away in spite of himself. We can recollect one more hero who is always endangered by amnesia. It is Odysseus. The one who forgot oneself can never come home for where is his home? The one who forgot oneself loses the possibility to be recognized and so we see Sophocle's Philoctetes invoking Neoptolemus to be more like his former self.

According to M. Eliade there exists a curious way of treatment in the Indoarian Bhil's tradition. In the first instance a healer draws a mandala beside a patient's bed. This mandala represents a reflection of the genuine world — *imago mundi*. The harmony of pure existence is transmitted to the sufferer who lacks it and it helps him to fight against the disease. From the viewpoint of *the epical*, this reflection is not a mirror bound to produce only poor copies forever but a shield whereby the disease could be *reflected*. Eliade doesn't mention what happens next but, probably, the patient should make a thank offering to gods who helped him remember the essentials and find his former self.

The forecited plot is but only one of many others rooted in *the epical*. The epical is a conscience paradigm and it cannot be reduced to *epic* though these two shouldn't be considered without each other. In this article we will try to expose some aspects of Plato's philosophical epic whose main character is Socrates. This is the tune not to be neglected if you want to understand Plato. Other approaches are only enriched by this but not annulled.

Keywords: *Plato, Socrates, Homer, Hesiod, epic, phenomenology of the epical, hermeneutics, poetics, myth, logos, the Crito, the Phaedo.*

I

Мы начинаем новый запове феноменологии эпического: начинание же наше есть продолжение путем припоминания важнейшего. Припоминание не означает пересказа, ибо важнейшее должно само себя выявить. Пересказано сказанное может быть лишь исходя из застывшего горизонта, коль скоро завершаясь, оно этот горизонт осваивает, становясь песнью, которая есть не что иное, как определенность своих пределов, указывающих на центр. Песнь обретает сюжет. Пересказ потому есть не припоминание, но повторение в движении по кругу. Припоминание же относится к со-

впадению говоримого сейчас со сказанным ранее на новом витке мысли. В этом совпадении выявляются *формулы эпического*, важные не только для того, что складывается, но и для того, что еще не сложилось. Новая песнь становится основанием для нового запева, горизонты которого уже совсем иные. Как мы теперь ясно видим, единственным имманентно верным путем складывания феноменологии эпического является сложение о нем *эпоса*. Ни его формулы, ни горизонты, заранее нам не известны, — в этом главное требование феноменологии как потока описания вслед за бытием феноменов. Ведь, как гласит схолия к Пиндару, «сперва песни сочиняются, а потом уже лира к ним подлаживается»¹.

Горизонт нынешнего можно очертить так: Платон и его философский эпос. Очевидно, что и Сократ может пониматься тогда только лишь как Сократ платоновский, что в дальнейшем отдельно оговариваться не будет. Эпиком же мы считаем Платона по характеру его подражания, что и попытаемся показать в дальнейшем. Однако для этого, как мы уже сказали, необходимо припомнить и предыдущее, коль скоро оно таковым стало. Предшествовала же настоящему, в частности, борьба за несводимость эпоса к мифу.

Эпическое было описано нами как качественно иная по сравнению с мифом *точка нормативности* человека и человеческого². Под точкой нормативности мы понимаем человека такого, каким он должен быть, то есть *героя*. Бытие точки всегда идеально. Точка не появляется в делении, точка всегда задается как идеальное, исходя из пределов понимания бытия как такового. Безусловно, знают героя и миф, и архаический эпос, или шаманская поэзия³. Однако герой мифа не есть человек, способный стать объектом осмысленного подражания для многих. Архаический герой вызывает смесь уважения и опасения, подобно шаману, обреченному на вечное метафизическое одиночество. Ритуал в мифе есть потому преимущественно действие: подражание же герою в действии происходит путем воплощения посредством *имитации*. Имитируются те способности и качества, которых у обычного человека нет и быть не может, но которые присутствуют в фигуре героя-образца. Хотя чудесное и *имитируется*, стоит помнить о том, что, с точки зрения самого мифа, оно *воплощается*. Неверно было бы сказать, что миф не воспитывает. Однако воспитание

¹ Схолиаст к первой строчке Pind. Ol. II («Песни мои, владычицы лиры»). См.: [9; с. 398].

² О диалектике точки и линии см.: [3; с. 397–428], [11; с. 37–44].

³ В терминологии М. С. Боуры. См.: [4; с. 10]. В качестве примера таковой он приводит постройку корабля с помощью заклинаний Вяйнямейненом [4; с. 11].

мифа есть совокупность ритуально закрепленных практик, не нуждающихся в теории. Более того, теория тут невозможна, ибо не определены границы, вокруг которых она могла бы быть выстроена.

Отличным от этого образом действует *эпическое*. Эпическое восславляет героя, занятого деятельностью по преимуществу человеческой. В *эпическом* впервые высвечивается такое понимание человека, которое благодаря своей понятности и всеобщности способно радикально границы человеческой общности расширить. Говоря о человеке, эпическое никогда не забывает об общности. Общность же эта есть общность равнодостоинных героев, чье равенство в достоинстве конституируется их принципиально одинаковым отношением к *эпическому* как теоретически достижимому. Именно всеобщность и всепонятность эпических идеалов впервые делает возможной *теорию* о способах их достижения. Теория эта есть пайдейя — воспитание души и тела, с помощью которого и может сформироваться человек как вития в речах, делатель прославленных дел и достойный член общины героев (ср.: *Ил.* IX, 443)⁴. *Эпическое* есть потому не индивидуализм, но его осуждение, что в «Илиаде» ярко отражено.

Кроме того, важно не упустить, что *эпическое* так же, как и миф, корнями уходит в сакральное. Однако само понимание сакрального здесь иное. Ритуалом эпического является сама эподия, в которой припоминаются доблесть героя и его нетленная слава. Вспомним знаменитые слова Ахилла:

Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.

(*Hom. Il.* IX, 412–413. Пер. Н. И. Гнедича)⁵

Комментируя эти слова, Г. Надь замечает: «Главный герой “Илиады”, по сути, утверждает, что бессмертие ему принесет его же эпическая традиция. Именно в этом и заключена главная особенность гомеровского взгляда: тема получения бессмертия героем переносится из сферы культа в область эпоса как такового. Вот почему гомеровская поэзия о даровании бессмертия прямо и не говорит: это действие просто является ее сутью» [8; с. 182]. Такой взгляд на эпос позволяет нам преодолеть его понимание как исхода в никуда, исхода в исход, по выражению А. В. Ахутина [2; с. 133]. Парадигма эпического бессмертия нам хорошо знакома («Я памятник себе воздвиг

⁴ Конечно же, здесь не пройти мимо блистательных трудов В. Йегера.

⁵ Здесь и в дальнейшем «Илиада» цитируется в переводе Н. И. Гнедича, а «Одиссея» — в переводе В. В. Вересаева.

нерукотворный...»), однако часто бывает упущено ее метафизическое основание, которое потому необходимо подчеркнуть. Обычным местом исполнения эпоса являлся пир, о религиозном значении которого также забывать не стоит. Безусловно, в свое время античность узнает и времена деградации пира, превращения его в простую попойку, однако нормативное его понимание не таково. Пир есть совместное действие богов, героев и людей, соединяющее их в единую общину, и в этом смысле он близок жертвоприношению как священной трапезе. Кроме того, пир есть и пространство воспитания, ибо истинно воспитанным может быть лишь тот, кто способен сохранять на пиру приличия (ср.: Plat. *Leg.* 645d-650b). Эпическое бессмертие не есть потому лишь «бессмертие как бы», не есть призрак. Напротив, призраком для эпического духа оказывается традиционный миф о бессмертии:

— Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!
Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.
(Hom. *Od.* XI, 488–491).

II

Эпическое дает человеку его богов. Эпическое дарует человеку и качественно иную память, которая настолько превосходит всякое воображение, что приобретает сакральное значение. Истинное бытие доступно нам только тогда, когда мы о нем не забываем. Забыть себя — значит утратить возможность вернуться к истине, и многоумен тот, кто избегает этой угрозы. Такая опасность постоянно подстерегает Одиссея, но не его одного. Пора нам в этой связи вспомнить и о Сократе, сказ о котором начинается со следующих слов: «Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили» (Pl. *Ap.* 17a. Пер. М. С. Соловьева).

Как мы считаем, важнейшим элементом философии Платона является не какое-либо одно учение и даже не совокупность таковых, а Сократ. Сократ есть героическая жертва себя на благо полиса. Сократ олицетворяет всю воспитательную силу греческой пайдеи, являясь идеальным образцом для подражания [12]. Неверно потому говорить, что Сократу

не нашлось бы места в платоновском полисе. Платоновский полис является таким полисом, в котором Сократом в некотором смысле является каждый. Платон в своей философии всегда исходит из должного. Пускай люди считают, что человек есть плод Эроса, однако поистине человек рождается из земли, в славной смерти. Эта славная смерть тоже, в свою очередь, исходит из концепции должного: человек никогда не должен бросать свой щит — воинский, философский или любой другой, — если уверен в правильности и полезности своих действий на благо полиса. Если человек настолько убежден в этом, что готов без всяких колебаний принять смерть, взяв за свои действия ответственность, он становится героем и образцом для всякого подражания. Логика эпического есть потому во многом логика должного.

Эта линия греческой философии начинается именно с Гомера и Гесиода. Здесь не столь уж важен пресловутый гомеровский вопрос: в любом случае, «Илиада» есть первое в греческой традиции философское воспитательное сочинение. Роль «Илиады» как дидактического эпоса во времена Платона помнили уже плохо, ибо героическое воспитание здесь дано не в слове, а в действии. Между тем, «Илиада» сосредоточена на смерти, оказывающейся в действительности рождением: *быстроногий* обиженный⁶ ребенок умирает, а вместо него рождается полноценный член общины героев. Если ребенок славен лишь предками (ср.: Патрокл), то герой славен уже *своими* делами. К сожалению, эта тема здесь не может быть развернута во всей полноте.

Платоновский «малый эпос», включающий в себя «Апологию Сократа», «Критона» и «Федона», согласно платоновской логике, посвящен именно событию рождения Сократа, а вовсе не его смерти. Особый интерес в этом смысле представляет «Критон», выстроенный в очевидной перекличке со сценой посольства к Ахиллу (II. IX). Рамка эта задана самим сюжетом и открывается сном Сократа:

«Мне казалось, что подошла ко мне какая-то прекрасная и величественная женщина в белых одеждах, позвала меня и сказала:

“Сократ!

В третий ты день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой”»⁷.

Для того, чтобы понять смысл этого сна правильно, а не так, как его понимает сам Критон, нам стоит обратиться к «Илиаде» и припомнить

⁶ «...Обида могуча, ногами быстра...» — II. IX, 505.

⁷ Pl. Crit. 44ab. Пер. М. С. Соловьева.

контекст, в который в «Илиаде» эта строчка помещена. Итак, над ахейцами нависла угроза. Уверившись, что Зевс отвернулся от него, Агамемнон уже склоняется к бегству:

Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!

(II. IX, 26–28)

Ему возражает Диомед Тидид, а затем слово берет и Нестор, напоминающий царю («...тебе вручил Олимпиец // Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу» — IX, 98–99) о несправедливости, совершенной тем по отношению к Ахиллу:

...Сколько тебя, Агамемнон,
Я отговаривал; но, увлекаясь духом высоким,
Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью.

(II. IX, 108–113)

Агамемнон уже и сам жалеет, что обидел столь славного мужа, а потому соглашается даровать Ахиллу несметные богатства в качестве извинения. Нестор определяет состав посольства, и выбор его не случаен: предводителем посольства становится *воспитатель* Ахилла Феникс, а его помощниками в деле убеждения — храбрейший в бою Аякс Теламонид и многоумный Одиссей. Однако разумные доводы Одиссея Ахиллом отвергаются. Ахилл твердо намерен оставить стан ахейцев и вернуться домой:

Если счастливое плаванье даст Посидон мне могучий,
В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой.

(II. IX, 362–363)

Итак, Ахилл готов ответить несправедливостью на несправедливость царя, не просто олицетворяющего, но и в буквальном смысле являющегося законом, отказавшись при этом даже от будущей нетленной славы (II. IX, 410–416). Общее благо при этом оказывается совершенно в тени его

быстроногой обиды. Что же означает в этой связи сон Сократа и почему Критон воспринимает его неверно?⁸ Ведь само сновидение весьма прозрачно: Сократу является Мойра, возвещающая о том, что нить его жизни скоро будет перерезана, да и цитирует она при этом стих, в котором явно различим дух разрушения. Так его и воспринимает Критон, считающий его даже слишком ясным (44b).

Однако то, что Критон считает смертью, в действительности есть рождение. На самом деле, Сократ отправляется на свою подлинную *родину*, в отличие от мнимой родины Ахилла, сулящей лишь забвение. Он совершенно спокойно пересказывает свой сон Критону, потому что считает этот сон для себя благим, хотя он и говорит, казалось бы, о его смерти. Смерть Сократа-человека есть рождение Сократа-героя, который и сможет вести беседы «с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою непра-ведного суда» (Pl. Ar. 41b). Диалог «Критон», конечно же, есть прямой платоновский ответ Гомеру. По Платону, убеждать человека должны не люди (Феникс и Аякс), а Законы и Государство. Убеждение же это есть вновь аргументация от должного. Неверно было бы сказать, что Платон отвергает гомеровские идеалы. Скорее, Платон спорит с Гомером как воспитатель с воспитателем, предлагая другой, более правильный, путь для их достижения.

Есть и еще один мотив, которого Ахиллу недостает, чтобы *принять должное как свое*. Вспомним пассаж, непосредственно предшествующий речи Ахилла о двояком выборе, возвещенном ему его среброногой матерью:

Можно все приобрести, и волов, и овец среброрунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и золотые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст излетела.

(Il. 406–409)

В этой связи стоит, конечно, обратиться уже к «Федону», однако наше обращение будет по необходимости кратким. Мы остановимся лишь на последних словах Сократа, не так давно ставших предметом пристального анализа Г. Надя [12]. Слова эти, как известно, таковы: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»

⁸ Мы совершенно не согласны с тем, что в общей структуре диалога «эпизод со сном фактически провисает» [7; с. 285–294].

(Pl. Phd. 118a. Пер. С. П. Маркиша). Что же этим сказано? Надь обращает наше внимание на саму фигуру Асклепия — этот герой, сын Аполлона, прославился своей способностью воскрешать людей из мертвых, что вызвало беспокойство богов — ведь человек должен оставаться смертным, а иначе чем он будет от них отличаться? Сам ритуал принесения Асклепию в жертву петуха есть ритуал инкубационный. Принеся петуха в жертву, человек засыпает в священном месте⁹, но на следующее утро его вновь будят крики петухов. Посему Надь видит в диалоге «Федон» прежде всего философию бессмертия слова, а уж затем религиозное в обычном смысле учение о бессмертии души. В слове этом обретает бессмертие герой. В этой связи интересно, что в греческой традиции день рождения Сократа совпадал с днем его смерти. Как доказывает С. Уайт, никаких данных о реальном дне рождения Сократа сохранить попросту не могло. Следовательно, источником этой традиции была, скорее всего, традиция платоническая [14, р. 151–175]. Согласно ей, Сократ умер и родился 6-го числа месяца Таргелиона — каждый год в этот день афиняне по древней традиции совершали очистительные жертвы, *фармакоі*. 7-го же Таргелиона, согласно платонической традиции, родился Платон. Именно с упоминания о праздновании двух этих событий начинается восьмую книгу «Застольных бесед» Плутарх (717ab), упоминает о таком праздновании и Порфирий. Быть может, пресловутое нездоровье Платона (Phd. 59d) именно в том и заключалось, что сам он первоначально воспринимал смерть Сократа как смерть? Петух принесен в жертву и кажется, что никогда над миром больше не разнесется его звонкий голос. Кажется, что погибает сам Логос [ср.: 13]. Однако Логос может — и должен! — быть возрожден в припоминании Сократа, в котором в буквальном смысле возрождается и сам Сократ.

Разумеется, этим тема *эпического* у Платона только начата. Все вышеизложенное есть лишь совокупность не до конца развернутых тезисов, нуждающихся в дополнительной и всесторонней проверке. Кроме того, сосредоточившись на трилогии рождения Сократа, мы так и не добрались до более глубокого понимания роли *эпического* в философии Платона, исходящего из логики эпического (от фактического к должному, и наоборот). Но хотя тема нами и не исчерпана, мы надеемся, что нам удалось показать хотя бы теоретическую допустимость эпического прочтения Платона, которое, разумеется, не отвергает никаких других, но, возможно, способно в некоторой мере их дополнить.

⁹ Центром культа Асклепия был Эпидавр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. Ахутин А. В. Эпический исход // Ахутин А. В. Поворотные времена. Статьи и наброски. М.: Наука, 2005. С. 91–141.
3. Биbihин В. В. Точка // Биbihин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 397–428.
4. Боура М. С. Героическая поэзия. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
5. Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. СПб.: Наука, 2008.
6. Гомер. Одиссея. Пер. В. В. Вересаева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
7. Золотухина А. И. Несколько интерпретаций сна Сократа в Критоне: От Аристотеля к мегарикам // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. 19. С. 285–294.
8. Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
9. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты М.: Наука, 1980.
10. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1990–1994.
11. Романенко Ю. М. Онтология мифа. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
12. Светлов Р. В. Сократ и «спартанский мираж» // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. № 10. С. 363–374.
13. Nagy G. The Last Words of Socrates at the Place Where He Died. Электронный источник: <http://classical-inquiries.chs.harvard.edu/the-last-words-of-socrates-at-the-place-where-he-died/>.
14. White S. A. Socrates at Colonus. A Hero for the Academy // Reason and Religion in Socratic Philosophy / Ed. by N. D. Smith and P. B. Woodruff. Oxford, 2000. P. 151–175.